

УДК 616. 641. 6.23

© Пересадин Н.А., Фролов В.М.

АЛЕКСАНДР ГРИН. ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ, ИСТОРИЯ ЖИЗНИ, БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПИСАТЕЛЯ-РОМАНТИКА

Пересадин Н.А., Фролов В.М.

ГУ «Луганский государственный медицинский университет»

«Смеяться часто и много, завоевать уважение умных людей и любовь детей, заработать высокую оценку честных критиков и пережить предательство ложных друзей, ценить красоту, находить лучшее в других, оставить мир чуточку лучше, вырастив здорового ребёнка, проложив тропу в саду, или исправив существование людей, знать, что одному живому существу дышалось легче, потому что вы жили. Вот что значит добиться успеха»

Ральф Уолдо Эмерсон
(1803-1882)

В ставшем довольно быстро книжной редкостью двухтомном биобиблиографическом словаре «Русские писатели» [32], включающем более 300 статей, посвящённых как самым именитым, так и менее значимым литераторам XIX – начала XX века, материалы об Александре Грине занимают менее трёх страничек. В самом начале словарной критической статьи приводятся сведения о том, что Александр Грин, настоящее имя которого Гриневский Александр Степанович, «прозаик и поэт». Никаких эпитетов, прилагательных, уточнений и дополнений. Между тем этот талантливейший человек оставил после себя незабываемые романы, издаваемые и неоднократно переиздававшиеся во всех цивилизованных странах, интересные повести, несколько сотен оригинальных рассказов, стихи, басни, юморески. Багаж более чем солидный даже для двадцати пяти лет неустанной творческой работы. Литературная деятельность Грина зарождалась в Петрограде и Феодосии, а завершилась в Старом Крыму.

Имя этого прекрасного писателя – романтика, известного всей читающей России, было прочно забыто на три десятилетия сразу же после его кончины в июле 1932 года, всплыв из небытия только в годы хрущёвской оттепели... Ренессанс произведений Грина был воспринят в 60-е годы XX века как откровение, как глоток свежего воздуха, как искреннее и волнующее обращение к духовному миру и тончайшим переживаниям человека, актуальным во все времена. Произведения Александра Грина обращают внимание читателя на самые интимные движения, совершающиеся в человеческой душе, отмечая даже малейшие её шевеления, показывая зарождение душевного подъёма и возникновение страсти, когда чувства и эмоциональные порывы превалируют над рассудочной деятельностью. Книги Грина выставляют напоказ людские страдания, сердечные муки и скорбь, телесные боли, самоотречение, сознательное принятие на себя подвига мученичества – через всё это писатель в полной мере прошёл сам, через это же в той или иной степени проходит каждый из нас. Весьма короткая по меркам XX века, но очень яркая и напряжённая жизнь писателя Александра Грина напоминает увлекательный приключенческий роман, насыщенный необычайными взлётами и падениями, одним словом – авантюрами в хорошем смысле этого слова, в трактовке Александра Александровича Любищева (1890-1972). Ещё при жизни Грина о нём ходили разнообразные легенды. Злые языки (как некогда про Михаила Шолохова с его «Тихим Доном») утверждали, что будто бы молодой и дерзкий Александр Гриневский, плавающий матросом на судне, лишил жизни какого-то английского капитана, украв при этом у него ящик рукописей, будто-бы написанных этим талантливым

мореходом-беллетристом, а теперь печатает хорошо продаваемые произведения, под своим именем. Никто и на дух не верил, что Грин не знает иностранных языков. Судачили: «Притворяется, что не знает, почему-то скрывает истину, а фамилию специально укоротил на заграничный лад». Очень многим Грин казался подозрительным и странным: он никогда не мог естественным образом вписываться в общепринятый круг представлений, господствовавших в тогдашнем социуме. Более романтично настроенные обыватели, в особенности женского пола утверждали также, что он – превосходный стрелок, добывающий охотой пищу и обитавший в лесу подобно героям Фенимора Купера.

Александр Грин прожил неординарную, до обидного непродолжительную жизнь – всего 51 год и несколько месяцев, однако вклад его в мировую литературную сокровищницу, уже частично изученный, но до сих пор не до конца оценённый, поистине велик и уникален.

Дождаться лавров всенародного признания при жизни Грину не посчастливилось. Критика к необычному писателю относилась свысока, упрекая автора в уходе от действительности, в подражании буржуазным литераторам, не признавая ни его удивительного дара, ни большого писательского мастерства. Каким-то загадочные тропические острова, таинственные коралловые рифы, шумный плеск экзотических южных морей, невиданные алые паруса... Только в 60-х годах XX века к читателю вновь пришли красивые мужественные люди Грина, живущие в необыкновенных сказочных городах; на страницах гриневских книг добро всегда побеждало зло, а над бескрайними водами Великого Океана гулял вольный ветер странствий и обитала сама Мечта.

Как известно, мечта – не просто «продукт» нашего воображения, представляемый с помощью интеллектуально-мыслительной работы. Мечту страстно желают исполнить, к ней стремятся всеми силами сердца, она включает наши безудержные фантазии и представляет собой прихотливую игру мыслей и чаяний человека. Именно в подобном виде мечта живёт в человеческом сознании. Грин своими книгами призывал читателей свято верить в свою высокую мечту, искренне советовал защищать её, считал, что с мечтой человеку бодрее идти по жизни. Она побуждает к активному деянию, вселяет огромный заряд энергии и оптимизма, мудрости и веры в возможности человека, не давая ему упасть духом или поддаться унынию и расслабляющей лени. В мечту этот талантливый автор верил всегда. Жизнь этот неисправимый романтик понимал не как «количество прожитых дней, и даже не их, закреплённых памятью, а дни, когда мы оставляли людям что-то доброе». Книги Александра

Грина – это манифест решительного действия, отвязного риска, жизнеутверждения. Кредо их автора – брать от жизни всё прекрасное, воспаряя на крыльях необыкновенной мечты, а это значит не бояться делать то, что хочешь, что замыслил, что видится тебе в твоём воображении. Грин – романтик страстно верил и чётко осознавал, что корабль с алыми парусами обязательно придёт к тому, кто научился мечтать.

Почему писатель связывал мечту именно с парусами? Прежде всего, потому, что на страницах многих его романов, повестей и новелл море является одним из самых главных «героев» и символов. Необязательно и безмерностью моря писатель выразил неиссякаемую мощь и высокую энергетику человеческого духа. Как с помощью парусов корабль резов мчит вперёд по волнам, так и мечта движет всеми поступками личности. В своём оригинальном творческом наследии писатель естественным образом соединил уникальное, исключительное, фантастическое с рядовым, реальным, обыденным. Грин боролся, как мог, стремился, жил полной жизнью, падал и поднимался, шел вперёд, не взирая ни на какие житейские обстоятельства. Он лелеял и тщательно сохранял необходимую творцу внутреннюю сосредоточенность и достаточно творческого задора в сердце, что делало любую цель вполне по силам. Главное в своей жизни он совершил, оставив заметный след на земле.

Вглядимся же в эту жизнь пристальнее, всмотримся в неё более внимательным, исследовательским взглядом. Родился Саша Гриневский 11 (23) августа 1880 года в уездном городе Слободской Вятской губернии. Отцом его был Стефан Евзибичев Гриневский, польский дворянин, который шестнадцатилетним юношей за причастность к польскому восстанию против царизма в 1863 году был схвачен охранкой и сослан в Сибирь. Отец, таким образом, был «вечным поселенцем» (без права выезда в европейские губернии России) и служил конторщиком пивоваренного завода. В дальнейшем семья переехала в губернский город Вятку, который в то время был глубокой провинцией. После переезда семьи в Вятку Саша Гриневский был обречён на прозябание в «душливой пустоте и немоте» города дремучего невежества, красочно описанного в герценовских «Былом и думках».

Единственной отдушиной в этой провинциальной жизни для мальчика были книги. Довольно рано научившись читать, он с удовольствием прочитывал всё, что могло его заинтересовать, в особенности рассказы о путешествиях и приключениях в далёких странах. И вот, по окраинным улицам и пустырям Вятки задумчивый мальчуган бродил в серой заплатанной одежде (другой у него просто не было), изображая в этом уединении в лицах своих любимых литературных героев. Слыл в округе мальчишка гордым и странным, производил всевозможные алхимические опыты, а начитавшись книг по хиромантии, пытался предсказывать окружающим судьбу по линиям руки и даже пробовал создать «философский камень», за что получил прозвище «колдун» [1-5].

Более-менее Саше хорошо было до девяти лет, а после того, как он пошёл учиться в реальное училище, всё изменилось кардинально. Учился мальчишка в целом вполне сносно, однако поведение его было вызывающим и прямо-таки хулиганским, что раздражало и озлобляло не только преподавателей, но и родителей. Между тем семья Гриневских росла, её доходы из года в год падали. Работая скромным бухгалтером земской больницы, его отец, Степан Евсеевич, никак не мог прокормить своих домочадцев [14, 16].

Саша Гриневский учился сначала в Вятском земском училище, затем в городском училище, которое окончил в 1896 году. Как мы уже отмечали, очень рано Александр приистрастился к чтению. Больше

всего он увлекался рассказами, повестями и романами о путешествиях, мореплаваньях, отважных охотниках. В своей «Автобиографической повести» Грин писал: «... В 12 лет ... знал русских классиков до Решетникова включительно» [7]. Необыкновенно приятательным был для Саши Гриневского также мир зарубежной приключенческой литературы. Грин всю жизнь признавал большое влияние на него таких знаменитых писателей как Фенимор Купер, Эдгар По, Александр Дюма-отец, Даниэль Дефо, Жюль Верн, Томас Майн Рид, Густав Эмар, Луи Жаколио, Роберт Льюис Стивенсон, Оскар Уайльд. Нередко бывало, уединившись подалее от чужих глаз, запоем читал он романы Виктора Гюго и Чарльза Диккенса; почти все стихи и новеллы своего самого любимого автора Эдгара Аллана По (1809-1849) он знал наизусть. Не чужд был Александр и книгам сугубо научного содержания – историческим, географическим и даже экономическим. Но более всего его, тогда ещё мальчишку, властно манило к себе море и «живописный труд мореплаванья». Кто может сегодня представить как именно зарождались эти грёзы о парусах и ветре, синих просторах вечно живого моря в душе парнишки, жившего в глухой Вятке – городе и классического лихоимства с «душливой пустотой и немотой», описанном в «Былом и думках» Александра Герцена (1812-1870), отбывавшего в своё время ссылку в Вятке... Саша пробовал сам писать стихи – о «безнадёжности... разбитых мечтах и одиночестве». Можно вполне вообразить, что поначалу юный поэт сочинял, подражая всему тому, что печаталось в периодике того времени. Условия провинциального захолустья быта с их «свинцовыми мерзостями» будней усиливали в Саше застенчивость и крайнюю чувствительность, гордость и непокорность – качества характера, доставшиеся юноше от его отца. Видимо, «ген бунтарства» был доминирующим у семьи Гриневских [6-9].

Домашние попрекали его книгами, настольным чтением, говорили, что он «зачитавшись, сойдёт от них с ума», бранили за своеволие, взывали к «здравому смыслу» («Ниже тоненькой былиночки надо голову клонить» - эти слова некрасовской нянечки из «Песни Ерёмушке» часто повторяли обыватели своим детям). «Я не знал нормального детства», - писал Грин незадолго до смерти. «Меня в минуты раздражения, за своеволием и неудачное учение, звали «свинопасом», «золоторотцем», прочили мне жизнь, полную пресмыкания у людей удачливых, преуспевающих. Уже больная, измученная домашней работой мать со странным удовольствием дразнила меня песенкой:

«Ветерком пальто подбито,

И в кармане ни гроша,

И в неволе –

Поневоле –

Затанцуеть антраша!

.....

Философствуй тут как знаешь

Иль как хочешь рассуждай,

А в неволе –

Поневоле –

Как собака, прозябай!»

Я мучился, слыша это, потому что песня относилась ко мне, предрекая моё будущее...» [7]. В своё время Александра глубоко потрясла чеховская «Моя жизнь» со всё решительно поясняющим подзаголовком «Рассказ провинциала». Молодой человек убеждённо считал, что это чеховское произведение наилучшим образом передаёт атмосферу провинциального быта глухого, Богом забытого города. «Когда я читал этот рассказ, я как бы полностью читал о Вятке», - говорил писатель в своей «Автобиографической

повести». В удушливой пустоте и пошлой грязи вятского быта у Саши рождались стихи о безнадежности, беспросветности, разбитых мечтах и томительном одиночестве. «Со стороны можно было подумать, что их пишет сорокалетний чеховский герой, а не мальчик...» [10].

Приходилось искать не забвения, а именно спасения в книгах и увлекательной лесной охоте. Произведения эти питали чуткую душу мальчика поистине живительными соками. Со страниц приключенческих романов и повестей он получил первое представление о большом мире. Представление это было возвышенным, прекрасным и воспитательным. Там царили любовь, добро и благородные идеалы. В серой действительности всё было совершенно иначе: ни любви, ни добра, ни возвышенного.

«Бегством» мечтающего о путешествиях и бредящего романтикой приключений шестнадцатилетнего мальчугана стал отъезд из Вятки в Одессу. Это было его первое в жизни настоящее большое путешествие. Александр только что закончил городское училище с вполне ординарными средними оценками. В Вятке работы по душе не находилось, а заниматься чем попало, перебиваясь случайными заработками, совершенно не хотелось. Увидев на одном вятском пареньке матросскую бескозырку с ленточками, услышав от этого молодого «морского волка», «как будто открывшего пятьсот Америк», возбуждающие воображение рассказы о штормах, приливах, муссонах и пассатах, Александр тоже решил стать моряком, ибо почувствовал, что это самая привлекательная профессия на свете. Откуда же в вятском подростковом кругу возникла такая реальная тяга к морским просторам?

Как уже сказано, родился он в совершенно сухопутном маленьком городке Слободском, находившемся в тридцати километрах от тихой и сонной Вятки. «Мы, вятские, ребята хватские, всемером одного не боимся, а лежачего у нас не бьют» - так говорили (да и сейчас нередко поговаривают о себе) вятичи. Отец Саши – не моряк, не капитан, не штурман, не боцман, а обычный конторщик при пивоваренном заводе, а затем скромный бухгалтер земской больницы, бывший дворянин. Известно, что за участие в польском восстании 1863 года, будучи ещё подростком, Степан (Стефан) Евсеевич (Евзибиевич) Гриневский был арестован и сослан в Сибирь на вечное поселение. Может бунтарский дух отца по-новому выразился в юноше именно в те же самые шестнадцать лет? Совпадение или нечто большее? Отец Саши освобождён был по амнистии и из тобольской глуши пешком (!) добрался до Вятской губернии, где и осел, женившись на «девице из мещанского сословия» Анне Степановне Ляпковой [11, 12].

У родителей Саши в течение семи лет брака не было детей, поэтому первенец, да ещё сын стал долгожданным ребёнком, с которым счастливые родители постоянно возились, его любили и баловали. Отец научил мальчика читать, а мама – письму.

Одна из легенд гласит, что когда Саше было пять лет, в его уме впервые слилось значение первых букв и следующего слога, и он гордо воскликнул: «море!». Это было самое первое слово, полностью прочитанное им! Что интересно, Грин, как и Герберт Уэллс, научился читать в пятилетнем возрасте (см. нашу статью об Уэллсе в № 5 «Українського медичного альманаха» за 2011 г.). Море всегда отныне стало сопровождать Сашу и на страницах многочисленных приключенческих произведений, которые он жадно проглатывал, с увлечением проживая в своём воображении жизни литературных героев, знаменитых капитанов и наводивших ужас на обывателей бесстрашных. Первой книгой, самостоятельно прочитанной в детстве маленьким Шуриком, стала знаме-

нитый свифтовский роман «Путешествия Гулливера». Особенно любил мальчик читать о далёких неведомых странах и населявших их народах, о морских плаваниях, о затерянных в беспредельных океанских просторах таинственных островах [17].

Когда в июне 2011 года мы посетили в Феодосии Дом-музей Александра Грина, оформленный по проекту знаменитого художника и архитектора, лучшего иллюстратора Грина Саввы Бродского, то спросили экскурсовода о портрете, висевшем в кабинете писателя-романтика, в том самом, где были написаны многие его широко известные произведения. Оказывается, это был даггеротип именно Эдгара По – любимейшего автора Александра Грина. Станным образом судьба поэта-романтика и автора фантастических новелл Эдгара Аллана По повторилась в перипетиях жизни Грина. Также, как и американец, вятский юноша довольно рано лишился матери, также, как и Эдгар По, он скитался, бродяжничал, голодал, короткое время провёл в американских казармах и рано, пристрастившись к чтению, начал пробовать свои силы сначала в стихосложении, а затем и в сочинении новелл. Грин довольно много и часто хворал (как и любимый им «неистовый Эдгар», фотографию которого Александр всегда и всюду возил с собой) и умер, не дожив до 52 лет от тяжелой, неизлечимой в те годы болезни. Оба испытывали тягу к спиртному (а Грин ещё был и заядлым курильщиком), и русскому и американцу пришлось сильно пострадать от нападков критики. Вот такие неожиданные параллели в судьбах двух литераторов нам удалось проследить в самом беглом взгляде на жизни этих выдающихся мастеров пера.

Литературоведы и биографы в один голос говорят, что до девяти лет Саша переживал золотую пору беззаботного детства, однако после того, как он пошел в школу, всё в жизни мальчика кардинально переменялось. Учился в целом он довольно неплохо, однако поведение его было вызывающе-хулиганское: он бегал по классу, толкался, дрался со сверстниками, на уроках пускал бумажных голубей, кидался камнями и землёй. По поведению за учебный год Саша Гриневский получил только три балла и родителям настоятельно порекомендовали обратить пристальное внимание на неудовлетворительное поведение непокорного сына. Его усиленно принялись наставлять на путь истинный, однако строптивый мальчуган «дрессировке» не поддавался. Пришлось в полной мере испытать горечь обид и унижения побоев, порки ремнём, стояния на коленях. Это испытал в детстве и кумир Саши Эдгар По, воспитывавшийся опекуном Д. Алланом.

И всё-таки эти «педагогические мероприятия» не помогли: за вызывающее поведение на Саша Гриневский был исключён из реального училища на год и полностью отстранён от учёбы. Целых двенадцать месяцев он был предоставлен исключительно самому себе. Он был вынужден бродить с самодельным луком и стрелами по берегам рек и по лесам, мечтая подстрелить для пропитания какую-либо птицу. Товарищей у него не было. В уединении мечтательный мальчик часто изображал в лицах героев своих многократно перечитываемых книг – капитана Гаттераса, рыцарей Вальтера Скотта с благородными сердцами и широкой душой. Потом Александр вновь пошёл учиться, однако его погубило сочинительство и донос соседа по парте. Как-то Саше довелось прочесть шуточное стихотворение Пушкина «Собрание насекомых» и, в подражание великому поэту, Гриневский написал юмористическое стихотворение с «портретами» своих учителей. Так, он сочинил стихотворную пародию на учителя немецкого языка: «Вот, немец, рыжая оса. Конечно, перец, колбаса». Разразился грандиозный скандал, из училища исключили его на

сей раз окончательно, и Саша решил сбежать в Америку. Но этот замысел не удался, пришлось переходить в другое учебное заведение, (городское училище) что было рангом ниже предыдущего (аналог школы – восьмилетки советского периода). Родители тяжело переживали всё происходящее с сыном. Окружающие удивлялись: в кого он такой «совсем пропащий». Однако сделать с Сашей ничего не мог. Отец всё время был на службе, зарабатывая скромные средства к существованию семьи. Мать была измучена работой и множащимися год от года заботами. Измученная непосильным трудом и изнурительной, никогда не кончавшейся домашней работой, не отличавшаяся крепким здоровьем, мать Саши умерла, когда ему только исполнилось 13 лет. С тех пор одиночество на долгие годы стало постоянным другом и спутником Саши Гриневского [19].

После смерти матери жить стало ещё тяжелее. Отец Саши довольно скоро женился на вдове псаломщика; этого поступка подросток-максималист простить ему не мог, хотя в семье было кроме него мал мала меньше – четверо братишек и сестрёнок, которые элементарно нуждались в заботе и уходе. С мачехой и её сыном ладить никак не получалось, Саша постоянно с ними по поводу и без повода конфликтовал. Пришлось даже отселить его на другую квартиру. Александр ни с кем не мог жить в мире и дружбе – ни с домашними, ни с учителями, ни со сверстниками. Успехи в учёбе были не ахти какие, однако литература и Закон Божий давались ему сравнительно легко. Также Саше начал писать стихи и отсылать их в столичные журналы «Нива» и «Родина», ответы откуда однако же никогда не приходили. Стихи эти были наполнены пессимизмом, горечью, одиночеством, разбитыми мечтами и мрачными предчувствиями, «безнадёгой». Приходилось искать подработки. Пробовал Саша взяться за переплётное дело, переписывал роли для городского театра и за этот труд ему разрешали бесплатно посещать спектакли, а иногда даже играть на сцене в эпизодических ролях с минимумом текста или в массовке.

После окончания учёбы оставаться дома не имело никакого смысла: всюду он был лишним, нежеланным, «изгоем», которого сторонились.

Саша был очень одинок, его не понимали ни родные, ни одноклассники, а выручал только увлекательный и манящий мир книг. Мечталось о море, дальних странах, бурях и штормах, морских сражениях, битвах с кровожадными пиратами, вызволении из тяжкой неволи пленительных красавиц. В начале лета 1896 года в неполные шестнадцать лет Саша Гриневский направляется в Одессу – крупный портовый город, шумный, многоликий, многоязычный, ставший для будущего писателя точкой, откуда начались все «кругосветные плавания в Великом океане мечты». И вот пред ним предстала во всём своём величии не только «жемчужина у моря», но и само море, о котором он так долго грезил в ставшей теперь сразу очень далёкой Вятке. Море было живое, огромное, оно постоянно менялось и никогда не надоедало, оно притягивало взор и манило разноцветными огнями. Море явилось перед молодым человеком как дорога в неведомую Вселенную, лежавшую за горизонтом, покрытым туманной дымкой. В том притягательном мире была совсем другая жизнь, где не находилось места скуке и было полно невероятных приключений и упоительных заманчивых странствий, заставлявших сладко биться юношеское сердце и вызывающих восхищение, будоражащих воображение этого практически «профессионального» мечтателя. Любой встреченный им моряк казался необыкновенным героем, тянуло очень быть похожим на этих неординарных, влюблённых в морские стихии людей. Но чтобы быть

моряком, требуется большая физическая сила, ловкость, масса умений и навыков. Ничего этого у слабого, тшедушного и мало приспособленного к жизни юноши не было и в помине. Кроме того, Саша отличался неуживчивым и весьма строптивым характером; он плохо сходился с незнакомыми людьми и никогда не имел ни друзей, ни товарищей.

Добрые люди всё же нашлись, они помогли устроиться в береговую команду на полное довольствие, а осенью (Александру уже пошёл семнадцатый год) посчастливилось даже участвовать в двух рейсах вдоль Черноморского побережья на корабле с диковинным названием «Платон». Саша устроился на него учеником, продав пару белья и купив матросскую бескозырку и новую ленту с надписью «Платон». Дни первых плаваний стали счастливейшими днями в жизни, оставив неизгладимый след в памяти и наполнив душу незабываемыми впечатлениями. По весне удалось даже побывать за границей: на судне «Цесаревич» сходили в Египет, в Александрию. Однако и тут не обошлось без происшествий: Саша поссорился с капитаном корабля и назад плыл уже в качестве пассажира. Ловчить, подстраиваться под кого-то, изворачиваться он так и не научился. Был наш мечтатель неуступчив, отличался очень обострённым чувством справедливости, серьёзно обижался на малейшие насмешки и на дух не переносил брани. Больше работу найти так и не удалось, поэтому моряком Саша не стал, однако любовь к морю не угасала до конца его дней. Эта любовь перешла на страницы его произведений, восхищая и вдохновляя миллионы читателей во всём мире. Карьера моряка не удалась, пришлось перепробовать множество профессий – грузчика, рабочего при пекарне, землекопа, рыбака, гасильщика нефтяных пожаров (в Баку), чернорабочего в железнодорожном депо, лесоруба, плотогона и даже золотоискателя.

Литературоведы сравнивают юношеские биографии Алексея Горького и Александра Грина и находят много сходного. Оба будущих знаменитых писателя рано ушли из дома, скитались по Руси, перепробовали множество профессий. Но Горький прошёл этот путь раньше и рассказы о «боссяках», которыми зачитывалась вся Россия были хорошо известны Саше Гриневскому. В «Автобиографической повести» Александр Грин о Горьком напишет: «Я воодушевлённо отстаивал любимого тогда автора», Грин искренне был влюблён и в саму романтику скитаний, о которой так восхищённо писал нижегородец Алексей Пешков, выбравший себе псевдоним «Горький». В беллетризованном романе – биографии Леонида Борисова «Волшебник из Гель-Гью», созданном в 1944 году, описывается восторженное отношение литераторов России и всей Европы к Максиму Горькому, признанному широкой публикой и читательскими массами в качестве мэтра. В этом романе личная встреча Грина с Горьким так и не состоялась, хотя в действительной реальной жизни Горький очень поддержал Александра Грина и многократно помогал талантливому литератору. Написав почти пятьсот (!) рассказов, повестей, очерков и новелл, пять романов Грин прожил небольшую по меркам XX века жизнь – неполных 52 года, умерев от рака желудка.

Однако вернёмся к молодости нашего героя. Основные даты жизни А.С. Грина включают такие данные: 1889 год – девятилетний мальчик поступает в вяткинское реальное училище, 1892-1896 гг. – годы учёбы в городском училище. Лето 1896 года – первая встреча с Севастополем на карабле «Платон», заход «Платона» в Южную бухту. Весной 1897 года на корабле «Цесаревич» Александр совершает рейс в Александрию. В 1898 году – поездка на Каспий, а затем в течение нескольких лет – странствия по Рос-

сии. Голод, нищета, болезни преследовали Грина все эти годы, однако своеобразная «романтика» скитаний властно звала его к себе, насыщала его память многочисленными образами, типами и человеческими характеристиками, которые, в дальнейшем, выплывавшись в творческой лаборатории писателя, естественно и плавно ложились на страницы его талантливых произведений [13, 15, 20].

Как сын дворянина Грин не подлежал армейскому призыву, но, чтобы хоть как-то прокормиться (все случайные заработки оставляли будущего писателя полуголодным), он добровольно пошёл в солдаты. «Моя служба прошла под знаком беспрерывного и неистового бунта против насилия» - напишет он позднее в новелле «Тридцать дней». В 1902 году молодой двадцатидвухлетний солдат, оказавшись в 213-м Оровайском резервном пехотном батальоне в Пензе, примыкает к эсерам. С их помощью он бежит из армии и привлекается как связной к подпольной работе эсеровских организаций в Киеве, Одессе, Нижнем Новгороде, Симбирске (нынешнем Ульяновске). Активного молодого человека эсеры готовили к проведению террористического акта, но он, в отличие от героев его новелл, в последний момент отказался от участия в кровавой драме. В эсеровской программе Александра привлекала звучная революционность лозунгов, отсутствие строгой партийной дисциплины, манящее обещание всеобщего счастья после победы революции.

11 ноября 1903 года за активную революционно-пропагандистскую работу среди матросов Севастополя Александр Грин впервые был арестован. За попытку к бегству из тюрьмы он был приговорён к строгому режиму заключения в крепости, в условиях которого находился в течении двух тяжелейших лет, освободившись из неволи по амнистии 1905 года. Тюрьма ещё больше подорвала здоровье юноши, однако резервы молодого организма, к счастью, ещё окончательно не были исчерпаны. Случилось это на двадцать пятом году жизни молодого пропагандиста, который, не отказавшись от эсеровских убеждений, продолжил дело революционной агитации. Повторно его схватили в Петербурге 7 января 1906 года и выслали на четыре года в г. Туринск Тобольской губернии (ныне Тюменской области). Весной того же года (спустя четыре месяца после прибытия в Туринск) отважный молодой человек бежит из ссылки в родную Вятку и вскоре с чужим паспортом умершего в местной больнице «личного почётного гражданина» А.А. Мальгинова навсегда покидает город, в котором прошло его детство. Паспорт тайно достаёт ему отец, работавший бухгалтером в больнице.

В Москве Грин охотно принимает предложение соратников по партии написать агитационную брошюру для распространения среди военнослужащих. Так в 1906 году родился первый рассказ Грина «Заслуга рядового Пантелеева», подписанный А.С.Г. - начальными буквами имени, отчества и фамилии молодого автора. Однако весь тираж первого произведения Грина был конфискован в типографии и сожжён полицией. Подобная печальная участь постигла также гриновскую брошюру «Слон и Моська». Оба произведения выставляли на яркий свет надоедливую армейскую муштру, а также зверскую расправу царизма над крестьянами после подавления революции 1905 года.

Рассказ «В Италию», опубликованный в широко известной газете «Биржевые ведомости» 5(18) декабря 1906 года за подписью «М-въ, А.А.» стал началом цикла гриновских произведений о революционной борьбе. Подпись «А.С. Грин» впервые появилась под рассказом «Случай» в петербургской газете «Товарищ» 25 марта (7 апреля) 1907 года [21]. Эта оригинальная

подпись была частью настоящей фамилии автора, которого в то время усиленно разыскивала царская охранка по всей России. По некоторым иным данным подпись «А.С. Грин» появилась впервые только в рассказе «Апельсины» (1908) [22]. На протяжении 1907-1908 гг в газетах и журналах публикуются многочисленные рассказы А. Грина, связанные с его личным опытом политической борьбы («Ночь», «Марат», «Третий этаж»), а в 1908 году выходит в свет первый сборник произведений «Шапка-невидимка», имевший подзаголовок «Рассказы о революционерах». Двадцативосьмилетний автор в этих рассказах проявляет сочувствие эсерам, отвергая, однако, их идейно-теоретический базис и авантюристические методы борьбы, которые не приносили должного результата и не находили искреннего сочувствия у народа.

В июле 1910 года тридцатилетний уже довольно известный литератор А.С. Грин подвергается аресту за проживание по чужому паспорту. Опять тюремные застенки, вновь ссылка, которую Грин отбывал до 15 мая 1912 года в Архангельской губернии (Пинега, Кегостров). Здесь, в северной ссылке, состоялось его близкое знакомство с некоторыми социалистами-революционерами, которым Грин посветил несколько интересных рассказов («Зимняя сказка», «Ксения Турпанова»). Герои этих и иных «северных» рассказов Грина – люди безвольные, снедаемые скукой бытия, мелкобуржуазные «интеллигентки». Лейтмотив их тревожной и вообще-то никчёмной жизни выражается словами: «человека нет!». Подобный горький пафос разочарования, подсмотренный Грином у ссыльных эсеров, звучал и в его бытовых новеллах, весьма далёких от политики («Лебедь», «Игрушка», «Рай», «Ночлег», «Ерошка», «Пассажир Пыжиков», «Бытовое явление»). В этих рассказах резко осуждалась жестокость и совершеннейшее убожество «судорожной, грошовой, ломаной» (выражения Грина) тогдашней жизни.

Современные авторы, работающие в области социальной психологии, убеждённо считают, что «сегодня индивидуализм необходим не меньше, а даже больше, чем когда бы то ни было...». В известной книге «Организационный человек» У.Х. Уайт писал: «В чём мы нуждаемся, так это не в возвращении, а в переинтерпретации, в применении к нашим проблемам базовой идеи индивидуализма, а не древних её деталей». Таким образом, идея ранних произведений А.С. Грина о том, что высшей целью развития должен быть индивид, а не общество в целом, находит яркое подтверждение и в работах социальных психологов XXI века, предполагающих, что «если мы вправду верим, что индивид превосходит в творчестве группу, то именно в повседневной рутине можно извлечь из этого в высшей степени практическую пользу. Сократите время, которое индивид вынужден тратить на совещания, встречи и командные...» [24]. Свобода «манёвра», которую ещё с детских и подростковых лет почувствовал в себе Саша Гриневский, стала для молодого революционера и писателя А. Грина поистине сладостной и упоительной.

В своё время французский философ Паскаль Блэз тонко подметил, что если кто-то достаточно долго ведёт себя так, словно он верит, благодать веры в конце концов снизойдёт на этого человека. Именно так и произошло с самим Грином. Молодой писатель ориентировался на богатые традиции русской реалистической литературы первого десятилетия XX века; смутное ощущение того, что дальше так жить невозможно, свойственное также героям Горького и Куприна, рождало двойственные образы ранних рассказов Грина: их героям была равно неприятна не только окружающая

их серая унылая действительность но и собственные тщетные и неуклюжие попытки выбраться из неё. Где-то в глубинах подсознания этих людишек гнездится какая-то надежда на романтическое приключение, на «взрыв скучной действительности». Одной из причин увлечения романтизмом у Грина было однообразное давление на него «томительно бедной жизни», вызывавшее жгучее желание приукрасить обыденное прозябание вымыслом, фантазией, «выдумкой». Обездоленный счастьем, любовью, добротой, долго скитавшийся по великой империи и перепробовавший массу всяких профессий (от работы на рыбных промыслах до тушения нефтяных пожаров в Баку), многократно осужденный (даже военно-морским судом), отбывавший сроки в тюрьмах и крепостях (Севастополя, петербургских «Крестах»), ссылки, Александр Грин испытывал неуёмную жажду к романтическому, возвышенному. Превосходный пейзажист и тонкий психолог, он смело раздвигал узкие рамки скучной обыденности и умел обнаружить в окружающей жизни её поэтические стороны. Необычайной силой воображения писатель вызывал к жизни никогда не существовавшие страны и города, диковинные события и героические характеры. Редкостный дар романтической фантазии отличал Грина от всех тогдашних писателей и литераторов. Важным источником его перехода от революционных и бытовых новелл к романтическому творчеству было и сильное книжное влияние. Сам Грин впоследствии писал об этом так: *«Прочитанное в книгах, будь то самый дешёвый вымысел, всегда было для меня томительно желаемой действительностью»* [7].

В романтической повести Л.И. Борисова «Волшебник из Гель-Гью» образ Александра Грина, обаятельный и человечески очень светлый, чистый, резко отделён от петербургской литературной богемы. В этой повести Грин изображён благородным рыцарем, удивительно напоминающим сервантесовского Дон-Кихота. Неуёмная гриновская фантазия, порождённая романтическим отрицанием грубого и столь несправедливо устроенного мира, в своей основе была оптимистичной, активной и жизнеутверждающей. Об этом замечательно сказал литературный критик М. Щеглов в получившей большой резонанс статье: «Корабли Александра Грина»: «Если всмотреться в мир образов А. Грина, во все частности его художественных картин, то мы рядом с уходом от действительности увидим *преображение действительности* волшебным андерсеновским прикосновением... В романтике гриновского типа «покоя нет, уюта нет», она происходит от нестерпимой жажды увидеть мир совершеннее, возвышеннее, и потому душа художника столь болезненно реагирует на всё мрачное, скорбное, принижённое, обжигающее гуманность» [25]. «Таким образом, - заключает автор этой критической статьи, романтика в творчестве А. Грина по существу своему, а не по внешне несбыточным и неизбежным проявлениям должна быть воспринята не как «уход от жизни», но как *приход* к ней со всем очарованием и волнением веры в добро и красоту людей, в расцвете иной жизни на берегах безмятежных морей, где ходят отрядом стройные корабли» [25].

Первой романтической новеллой сам А. Грин считал «Остров Рено» (апрель 1909 г.), где уже явно обнаруживается разрыв героя с миром, его острое стремление к иной, лучшей жизни, трагическая неспособность и даже невозможность достигнуть желаемого идеала в одиночку.

С 1909 по 1918 гг. в романтическом творчестве Грина его герой – индивидуалист переживает сложную эволюцию, перепробовав всевозможные пути и способы «бегства» от социума, от людей и возвращения к ним. Таковы – Тарт («Остров Рено»), Горн («Колония Ланфиер», Тинг («Трагедия плоскогорья

Суан»), Рег («Синий каскад Теллура»), Валу («Зурбанганский стрелок»), Дюк («Капитан Дюк»), Битт-Бой, приносящий счастье («Корабли в Лиссе»). Нравственный максимализм и действенный гуманизм становятся доминантой творческого кредо писателя, произведения которого все больше и больше завоевывают любовь и уважение читателя. Грина завораживает и полностью захватывает идея «движения» человека к мечте, к совершенству. Хорошо иллюстрирует это эпизод из упоминавшейся нами повести Л.И. Борисова «Волшебник из Гель-Гью». Беседа с питерским критиком В.Я. Ленским, уже популярный в северной столице, да и во всей России, Александр Грин восклицает: «... А я не понимаю, как это может рассказ выиграть, если вы положите героев своих на травку и дадите им десять страниц на болтовню про своих жен и служебные успехи! Не понимаю! Скучно, Владимир Яковлевич! Дьявольски скучно! Бог накажет за такие рассказы! Он даже ногою топнул. – Ужо напишу рассказ о том, как ... нет, не рассказ, а роман о том, как человек летает. Подобно птице. Без помощи аэропланов. Подскочит и полетит. – Это будет сказка? – спросил Ленский. – Зачем? Не сказка, а роман. В нём всё будет поэтично, всё полно романтики. Никаких чахоток и туманов, никаких отрыжек после еды, психологизмов и скуки. Одно лишь солнце, счастье и сумасшедшая радость! Он взял Ленского под руку и, забыв что тому нужны творческая помощь и советы, принялся говорить о своих замыслах. Это сны и выдумки, реальное и вовсе невозможное, поэзия и живопись, это было подлинное искусство, и Ленский, способный увлекаться всем, что носило на себе печать талантливости, забыл о своих трудностях и весь обратился в слух, радуясь тому обстоятельству, что Грин, видимо, намерен провозжать его до дому, - он шёл и без умолку повествовал о всевозможных капитанах и дочерях лесничих, весёлых портных и несчастных миллионерах, о кладах и золотых цепях. Подобной откровенности за ним не водилось, - тем драгоценнее был сегодняшний его припадок писательской доброты и щедрости. – Я откровенен потому, милейший Владимир Яковлевич, что некому украсть у меня, - не родился тот вор, который стянёт мой сюжетик!».

Грин поэтизировал бескорыстие, честность, стремление к «полёту мечты», способность видеть своим «внутренним зрением» добрые начала в каждой человеческой личности. Одна из важных опор нравственного кодекса гриновских героев – их отношение к женщине, к любви. Могучая сила любви помогает герою выстоять, сохранить мужскую честь и достоинство (новеллы «Сто вёрст по реке», «Жизнь Гнора», «Позорный столб»). Идея любви в произведениях Грина приобретает философский смысл – она вырастает до идеи смысла самой жизни и резко противопоставляется декадентской позиции женоненавистничества, адепты которой подкрепляли свои взгляды цитатами и ссылками на Гартмана, Шопенгауэра и Ницше.

Источником оригинальности творчества Грина стала его необычайная способность впитывать достижения разных культур и «сплавлять» их со своим неповторимым отношением к миру. Это возвышенное отношение не пересилили ни тюрьмы, ни ссылки, ни вечная нужда, ни скитания, ни голод. Жизненный путь его как отмечал сам Грин, был усыпан не розами, а усеян острыми гвоздями... Отец Александра рассчитывал, что из его старшего сына – в нём преподаватели видели незаурядные способности! – выйдет хороший инженер или врач, потом он был согласен уже и на чиновника, на худой конец, даже на писаря, жил бы Сашка только «как все люди», выкинув из головы «фантазии». А из его сына получился превосходный писатель-романтик, «сказочник странный», как назвал

его замечательный поэт Виссарион Саянов.

Вот это место из саяновской поэмы «Грин».

*«Он жил среди нас, этот сказочник странный,
Создавший страну, где на берег туманный
С прославленных бригав бегут на заре
Высокие люди с улыбкой обманной,
С глазами как отсвет морей в янтаре,
С великою злобой, с могучей любовью,
С солёной, как море, бунтующей кровью,
С извечной, как солнце, мечтой о добре».*

Всматриваясь пристально в автобиографические произведения писателей, пробывавшихся в начале XX века в литературу из «низов», можно чётко видеть в них такую общую черту: талант, творческую искру часто замечали в юной душе не записные литераторы и маститые критики, а обыкновенные рядовые люди, встречавшиеся на, как правило, нелёгком жизненном пути. С особой любовью и нежным вниманием вспоминал Грин об уральском богатыре-лесорубе Илье, который обучал его премудростям лесоповала, а долгими зимними вечерами заставлял рассказывать сказки. Сценка, напоминающая ситуацию из романа-эпопеи «Иосиф и его братья» Томаса Манна, когда Иосиф, будучи рабом в египетском плену, рассказывал на ночь своему господину удивительные истории (Своеобразный вариант Шахерезады из «Тысячи и одной ночи») ...

... Жил тогда Александр с лесорубом Ильей вдвоём в бревенчатой хижине под старым могучим кедром. Кругом стояла дремучая таёжная чащоба, лежал непроходимый снег, выли злые волки, а ветер звучно гудел в трубе тесной печурки... За две недели Грин исчерпал весь свой богатый запас волшебных сказок Шарля Перро, братьев Гримм, Ганса Кристиана Андерсена, русского сказочника Афанасьева, а затем принялся импровизировать, сочиняя сказки сам, воодушевляясь восхищением своего «постоянного слушателя». Кто знает, может быть, именно там, в лесной хижине, под мощным вековым кедром, у пляшущих огней самодельной печурки фактически и родился писатель Грин, автор сказочных «Алых парусов» и непревзойдённой «Бегущей по волнам». Молодому таланту крайне важно, чтобы в него поверили люди, а лесоруб Илья по-детски верил гриновским сказкам, искренне восхищаясь их вдохновенным сочинителем.

Грин – фантазёр и романтик стремился обогатить, украсить, приумножить радость, расцветить «томительно бедную жизнь» необычайными своими «выдумками» и у него это славно получалось. Уже в 1913 году выходит в свет первое собрание сочинений Грина в трёх томах, отпечатанное в Санкт-Петербурге. В 20-е годы издаётся несколько сборников рассказов А. Грина – «Белый огонь. Рассказы.» (1922), «Сердце пустыни.» (1924), «На облачном берегу (1925), «Брак Августа Эсборна» (1927), «По закону» (1927).

Дореволюционное творчество, ставшего уже весьма востребованным у читателя Александра Грина, особым вниманием критики отмечено практически не было. Писавшие о Грине в тот период обвиняли романтического автора в подражательстве, высказываясь о его творчестве преимущественно в пренебрежительном тоне. На этом заунывном фоне высокомерных критиков, о которых сейчас никто и не вспоминает, светлыми пятнами выделяются отзывы А. Горнфельда и Л. Войтоловского, которые сумели разглядеть в новеллах писателя его искреннюю тревогу о своём времени и о месте человека в нём [5].

В воспоминаниях об А.С. Грине часто подчёркивалось, что в основе фантастических рассказов писателя лежат вполне реальные, имевшие место в жизни, чуть ли не документальные события. Так, например, в сюжет знаменитого рассказа «Крысолов», вошедшего

во все антологии, А. Грин включил историю, рассказанную ему Э. Арнольди, о недействующем телефоне, который неожиданно стал звонить. Писатель пообещал написать новеллу «о телефоне в пустой квартире» [2, 34]. Рассказ как таковой им создан так и не был, однако эпизод этот вошёл в «Крысолов», хотя и в несколько изменённом виде. По воспоминаниям вдовы писателя Нины Николаевны Грин, в основе истории с английской булавкой, которой девушка, увиденная героем, заколола ему ворот пальто, лежит следующий эпизод: встретив как-то Грина на толкучке, где он пытался продать «полученное на паёк мыло», Нина Николаевна «позвала его в ближайшую подворотню и сколола булавкой воротник его пальто. Здесь, – пишет она в воспоминаниях, – на сыром камне грязной подворотни рынка, мелькнуло начало «Крысолова», замысел которого возник ещё раньше, в Доме искусств» [12]. Александр Грин по мнению знаменитого автора «Двух капитанов» и «Открытой книги» Вениамина Каверина, «в одном из своих лучших рассказов «Крысолов»... показал фантастичность геометрично-пустого Петрограда, с его оглохшими, саботирующими учреждениями, заваленными канцелярской бумагой» [18]. И в то же время отклике на гриновский сборник «На облачном берегу» (1925), куда входила новелла «Крысолов», литературный критик некий Г.Лелевич провозгласил Грина «последышем того слоя русской интеллигенции, который не приобщился к буржуазному миру и в то же время не пошёл за пролетариатом, цепляясь за свою мнимую самостоятельность». И данная книга, по его мнению, является «одним из ярких проявлений последней стадии этого вырождения» [23]. По мнению Г.Лелевича, «талантливый эпитгон Гофмана, с одной стороны, Эдгара По и английских авантюрно-фантастических беллетристов – с другой, Александр Грин временами умел давать если не очень нужные, то по крайней мере оригинальные и интересные произведения. Но невозможно жить на проценты с гофмановско-стивенсоновского капитала на восьмой год пролетарской революции». Анализируя характеры гриновских героев, критик писал, что «это – либо сумасшедшие, либо неврастеники, либо, в лучшем случае, мечтатели и визионеры». По мнению этого, сейчас уже забытого критика, «декадент Грин – певец смутных стихийных душевных движений, тёмных инстинктов, господствующих над разумом...». В совершенно ином тоне звучала рецензия на этот сборник А. Придорогина, который явственно ощутил изысканный «психологизм» гриновских новелл, отметив, тем не менее, что «рецензируемая книга свидетельствует не только о высоком литературном мастерстве автора, но и о полной оторванности его от запросов современности» [28].

В 1938 году в «Литературном обозрении» Александру Грину посвятил свою статью знаменитый воронежец Андрей Платонов. По мнению уже упоминавшегося нами В. Каверина, эта статья – «пример столкновения двух глубоко искренних писателей, идущих в диаметрально противоположных направлениях». Их «столкновение» основано не только на прочном убеждении Платонова, что произведения романтические «не способны дать той глубокой радости, которая равноценна помощи в жизни». Это – суровый, крайне серьёзный взгляд мастера, для которого литература является не развлечением, а кровью и потом. На самом деле, считает В. Каверин, Грин «не хитрит с читателем. Он как бы заранее заключает с ним договор, в котором ясно и недвусмысленно сказано, что его творчество не имеет ничего – или почти ничего – общего с действительностью. Требовать от Грина, чтобы он перестал быть Грином, бесполезно... Фантазии Грина нечего делать в Моршанске, так же как и герои Платонова почувствовали бы себя растерянными и оскорбленными в Гель-Гью или Зурбага-

не» [18]. Сравнивая литературный язык А. Платонова и А. Грина, В. Каверин подчеркивает, что «... у Платонова – свой, особенный язык, основанный на скромной, но непреклонной простоте, на едва заметных сдвигах разговорной речи, оставляющих впечатление свежести и новизны. У Грина вы редко останавливаетесь на отдельной фразе – он пишет страницами, в неудержимом разбеге» [18].

Литературовед из Душанбе М. Саидова, анализируя романтические новеллы Грина, считает, что его творчество относится к «лейтмотивной прозе», которая получает распространение с начала XX века и строится «по законам музыки». В гриновских рассказах, по мнению М. Саидовой, «характер лейтмотива приобретает не слово, а небольшой эпизод, который запечатлелся в сознании героя, появляющийся в самые напряженные драматические моменты его жизни». Так, девушка «с английской булавкой» из новеллы «Крысолов», возникающая в сознании героя, становится «символом Чистоты, Доброты, Чуткости». Её образ «символизирует высокую мечту, которая противопоставлена всему пошлому, злomu и ненавистному, которое олицетворяет «Избавитель» [33]. Герой новеллы возвышает образ девушки «над обыденной повседневностью». И благодаря этому создаётся живой контраст «между действительными событиями, происходящими с героем, и его мыслями, чувствами, его воображением, создавшим идеальный образ, олицетворяющий всё прекрасное» [31].

Разделяя выбранную М. Саидовой тональность и характер интерпретации новеллистики А. Грина, В. Ковский пишет, что она первая, пожалуй, погружается в проблему «поэтического на уровне поэтики Грина и ... показывает, как постепенно утверждается в романтических новеллах писателя стиль «свободного порядка», ассоциативно-произвольной связи компонентов изображаемого, как моменты формы САМИ становятся содержанием произведений, строящихся «по законам музыки», как создаётся «система переплетающихся между собой тематических сфер» [20].

Задумавшись, однако, так ли уж далеки гриновские романтические вымыслы от реальности, от тревог и волнений быстротекущей жизни? Герои новеллы Грина «Акварель» – безработный корабельный кочегар Классон и его жена прачка Бетси – неожиданно-негаданно попадают в картинную галерею, где обнаруживают висящий на стене этюд, на коем, к их глубокому изумлению, они узнают свой собственный домик, своё неказистое казалось бы жилище. Дорожка, крыльцо, поросшая плющом кирпичная стена, окна, ветви клёна и дуба, между которыми прачка Бетси протягивала бельевые верёвки, – всё было на картине то же самое, что и в жизни... Талантливый художник лишь бросил на листву, на дорожку полосы преобразующего света, подцветил крыльцо, окна, кирпичную стену живыми красками раннего тёплого утра, и кочегар с женой увидели свой домишко новыми, просветлёнными глазами: «Они оглядывались с гордым видом, страшно жалея, что никогда не решатся заявить о принадлежности этого жилья им. «Снимаем второй год», – мелькнуло у них. Классон выпрямился. Бетси запахнула на истощённой груди платок...» [8]. Картина неведомого художника расправила их скомканные жизнью души, «выпрямила» их самих.

Ощущение счастья от соприкосновения с подлинным искусством, с доброй и интересной книгой испытывают многие герои произведений Александра Грина. Анатолий Франс утверждал: «Мечта могущественнее реальности. И может ли быть иначе, если сама она высшая реальность? Она душа сущего». Грин всеми силами сердца искренне верил, что у каждого настоящего человека теплится в груди романтический

огонёк и тлеет неумирающая мечта. Дело только в том, чтобы наполнить жизнью, раздуть этот огонёк и укрепить, дать силу мечте. Когда гриновский рыбак закидывает удочку, он мечтает о том, что обязательно поймает огромную рыбу, такую большую, «какую никто не ловил». Угольщик, наполняющий «чёрным золотом» корзину, внезапно видит, что его корзина вдруг... зацветает, а из обожженных им сучьев «поползли почки и брызнули листьями»... Девушка Ассоль из рыбацкого посёлка, наслушавшись дивных сказок, наяву грезит о необыкновенном мореплавателе принце, который приплывет за нею на корабле с алыми парусами. И так сильно, так необычайно страстно её дивная мечта, что всё, задуманное ею, совершенно сбывается. И необычайный мужественный мореплаватель и невиданные алые паруса...

Ещё в 1919 году в стихотворении «Движение» А.С. Грин писал:

*«Мечта разыскивает путь, -
Закрывают все пути;
Мечта разыскивает путь, -
Намечены пути;
Мечта разыскивает путь, -
Открыты ВСЕ пути»*

Заряженные могучей мечтой обо всём высоком и прекрасном, авантюрные по своим сюжетам книги Грина духовно богаты, они по-человечески тепло и ненавязчиво учат читателей мужеству и радости жизни. Отталкиваясь от увлекательных книг, прочитанных им в детстве и юности, от колоссального множества живых жизненных наблюдений, Грин создал свой особый мир, свою страну воображения, какой, понятно, нет ни на каких географических картах, но какая, несомненно, есть – писатель в это твёрдо и свято верил... Она существует на картах поэтического воображения, в той особой вселенной, где мечта и действительность живут и действуют друг возле друга.

Странен и непривычен был Грин в обычном кругу писателей-реалистов («бытовиков»), как их именовали в просторечье). «Чужаком» он был и у акмеистов, футуристов. Даже идеолог и глава школы символизма В.Я. Брюсов (1873-1924), очень нравившийся Грину, один из самых замечательных поэтов своего времени, эрудит, законодатель литературных мод, прозаик, драматург, литературный критик, утверждавший, что «искусство есть постижение мира иными, нерассудочными путями», редактировавший литературный отдел знаменитого журнала «Русская мысль», отверг гриновскую повесть «Трагедия плоскогорья Суан» (1911) как вещь талантливую, красивую, но слишком уж экзотическую. Если даже Валерию Брюсову, толковавшему, что «искусство – это то, что в других областях называют откровением», выдающемуся поэту, необычайно чуткому и отзывчивому на таланты и литературную новизну, гриновская повесть показалась «избыточно экзотической», то каково же было отношение к необычному, странному вещам романтического автора в других российских периодических изданиях? Между тем «Трагедия плоскогорья Суан» была произведением вполне обычным и характерным для творчества Александра Грина. Его художественным методом, его творческим стилем было внедрение необычного, «экзотического», неординарного, романтического в обыденную действительность. Писатель хотел резче, чётче и яснее обозначить роскошное величие или чудовищное уродство жизни тех или иных его героев. Первый сборник его рассказов со сказачным названием «Шапка-невидимка», был своего рода иллюстрацией поисков выхода из невыносимой скуки окружающей жизни и автор их сам метался до тех пор, пока не понял, что именно романтика – как раз то, что ему необходимо, как воздух. Она стала его литературной нишей, его будущей «Гринландией» и Александр Грин

ухватился за неё обеими руками, начав писать о том, о чём мечтал с детских лет: о странствиях и приключениях на суше и на море, о весёлых и страстных людях со смелым сердцем и открытой душой, о прекрасных чудесных землях, полных душистых зарослей и щедрого солнца, об удивительных событиях, кружащих голову, как глоток изысканного вина.

Дореволюционные российские критики и литературоведы упорно сравнивали Грина с американским романтиком XIX века Эдгаром По. По свидетельству современников, Э. По создатель популярной в годы гриновской юности поэмы «Ворон», которую Саша знал наизусть, был любимым автором нашего героя. Фантазию юного мечтателя воспламеняли все произведения Эдгара По и его неординарная биография. В этой биографии рано ушедшего из жизни писателя, которого многие литературные мэтры XIX–XX века считали своим предтечей и учителем (об этом твердили Артур Конан Дойл, Герберт Уэллс и многие другие знаменитые писатели), Грин видел многие черты своей горькой, бесприютной юности, в которой, как нарочно, всё складывалось так, чтобы сделать из молодого жителя провинциальной Вятки преступника или озлобленного жизненными невзгодами обывателя. Было совершенно непонятно, как этот угрюмый долговязый неразговорчивый человек, пронёс через мучительное существование старой России дар мощного воображения, чистоту чувств и застенчивую, почти детскую, улыбку. Что касается громогласной популярности Эдгара По, чьи стихотворения и будоражащие воображения «страшные» новеллы переводились и печатались в предреволюционной стране в великом множестве, то они были востребованы не только читающей публикой, но и такими совершенно разножанровыми авторами, как, например, А. Блок и А. Куприн, высоко ценившие творчество американского фантаста. Стихи Блока, посвящённые «неистовому Эдгару», не сходили с уст читающей молодёжи, а прозаик А.И. Куприн метко сказал о том, что «Конан Дойл, заполонивший весь земной шар детективными рассказами, всё-таки умещается вместе со своим Шерлоком Холмсом, как в футляре, в небольшое гениальное произведение Э. По «Преступления на улице Морг...» Александр Грин считал автора «Ворона» и упоминавшейся новеллы превосходным поэтом, блестящим мастером фантастического и приключенческого жанра, нередко сам пользовался методами и стиливыми приёмами американского «основоположника детектива», учился у него видеть и демонстрировать фантастическое и необычное в реальных деталях существования, виртуозно владеть пружиной литературного сюжета. Но на перечисленном сходство А. Грина и Э. По заканчивается. У российского автора не так много хитросплетений детективной интриги, органически свойственной американцу, он не тяготеет к натуралистическим подробностям «страшного и ужасного». А. Грина глубоко волнует нравственное начало в происходящем, моральный смысл происшествий, которые изображаются в его рассказах; он всегда умел защитить и уберечь свои произведения от влияния тлетворной «моды». Через всю свою нелёгкую, порой невыносимую жизнь Грин пронёс целомудренное отношение к женщине, благоговейное удивление перед удивительной силой любви к ней. Однако не той любви, страстно-гибельной, мистической, погребальной, перед которой склонял голову и преклонял колени Э. По, утверждавший, что «смерть прекрасной женщины есть, бесспорно, самый поэтический в мире сюжет...». Грин боготворил любовь живую, осязаемо-земную, полную прелести и нежного очарования и ... несокрушимого упрямства. Даже в образе сказочной, воздушной «бегущей по волнам» Фрези Грант – и в той, по убеждению писателя, «сидел женский чёрт». Сравнивая любую из жизнеутвержда-

ющих, светлых и лиричных новелл Грина о любви, таких, как «Позорный столб» или «Сто вёрст по реке» с любым из «страшных» рассказов американского автора, становится совершенно ясно, что романтика у них диаметрально противоположна и они похожи друг на друга «как лёд и пламень».

«Пред Гением Судьбы пора смириться, сэр», – наставляет поэта «безумный Эдгар» в блоковском стихотворении. Смирение от безнадежности, упоение горем и страданием, покорность перед неовратимостью жестокого Рока полностью владеют смятенными душами фантастических персонажей американского романтика. Характернейшей чертой гриновских героев является не пассивная покорность, не усталое смирение, а наоборот, противостояние, мятеж, непокорность коварной судьбе. Герои Грина нисколько не верят в Гений Судьбы, они громко смеются над зловещим роком и перестраивают судьбу по-своему. По основному содержанию творчества, эмоциональному влиянию на души читателей А. Грина и Э. По – писатели полярно разные, абсолютно противоположные (как тот же Эдгар По и Эрнест Теодор Амадей Гофман).

Примечательной является одна из рецензий в журнале «Русское богатство», который редактировал знаменитый В.Г. Короленко. Эта рецензия начинается со слов, которыми в те времена обычно пользовались при оценке гриновских рассказов: «Произведение господина А. Грина легко принять за рассказ Эдгара По. Так же, как По, Грин охотно даёт своим рассказам особую ирреальную обстановку, вне времени и пространства, сочиняя необычные внеациональные собственные имена; так же, как у По, эта мистическая атмосфера замысла соединяется здесь с отчётливой и скрупулёзной реальностью описаний предметного мира...». Заканчивается же эта рецензия выводом неожиданным и прицельно-точным: «Грин – незаурядная фигура в нашей беллетристике; то, что он мало оценён, коренится в известной степени в его недостатках, но гораздо более значительную роль здесь играют его достоинства... Грин всё-таки не подражатель Эдгара По, не усвоитель Трафарета, даже не стилизатор; он самостоятелен более, чем многие пишущие заурядные реалистические рассказы, литературные источники которых лишь более расплывчаты и потому менее очевидны... Грин был бы Грино, если бы и не было Эдгара По» [26, 27].

Неизбыточная мечта о гордом и красивом человеке бьётся, как пульс, в книгах Грина неприкрыто, яростно и обнажённо, делая его одним из самых оригинальных авторов, истоки творческой манеры которого базируются на народных сказаниях, повестях Н.В. Гоголя, некоторых рассказах В.М. Достоевского, прекрасных произведениях Н.П. Вагнера (1829–1907), писавшего под сказочным псевдонимом Кот Мурлыка (Книжки русского фантаста Н.П. Вагнера Саша Гриневский хорошо знал с раннего детства).

Вниманием публики и критиков Грин избалован никогда не был и поэтому очень ценил даже самую обычную в дружеских отношениях ласку или добрый поступок, которые вызывали у него большое душевное волнение. Так случилось, когда жизнь впервые близко столкнула Грина с Максимом Горьким. Было это в 1920 году, когда Александра Грина призвали в ряды Красной Армии, служить тогда довелось в городе с необычным названием – Остров-неподалёку от города Пскова. Там сорокалетний Грин заболел сыпным тифом. Его привезли в Петроград и вместе с сотнями сыпнотифозных больных поместили в бараки Боткинской лечебницы. Болел Грин очень тяжело и долго, выйдя из больницы почти инвалидом. Без крова, полубольной и голодный, астенизированный, с тяжёлыми головными болями, бродил он в поисках пропитания и тепла. То было время длинных людских

очередей, пайков, коптилок и «буржук», чёрствых корок хлеба и обледенелых квартир. Неотступные мысли о смерти делались у писателя всё назойливее и неотвязнее.

«В это время, - пишет в своих воспоминаниях жена писателя Н. Н. Грин, - спасителем Грина явился Максим Горький. Он узнал о тяжёлом положении Грина и сделал для него всё. По просьбе Горького, Грину дали редкий в те времена академический паёк и комнату на Мойке, в «Доме искусств», - тёплую, светлую, с постелью и со столом. Замученному Грину особенно драгоценным казался этот стол – за ним можно было писать. Кроме того, Горький дал Грину работу. Из самого глубокого отчаяния и ожидания смерти Грина был возвращён к жизни рукою Горького. Часто по ночам, вспоминая свою тяжёлую жизнь и помощь Горького, ещё не оправившийся от болезни Грин плакал от благодарности» [12].

В 1924 году семья Грина переехала в Феодосию и начался крымский период творчества писателя, который стал для него второй «болдинской осенью» (не менее половины из всего написанного А.С. Грином было создано на крымской земле). В произведенных этих восьми последних лет жизни Грина стала отчетливее и яснее проявляться их социальная доминанта, их неразрывная связь с живой действительностью. Черноморские наблюдения и впечатления этих да и ранних лет, пробуждённые к жизни воспоминаниями о местах давних странствий, естественным образом вступали на пространства гриновских книг 1924-1932 годов. Например, вся вторая часть бесподобного романа «Дорога никуда», где действие происходит в Гертоне, написана по севастопольским впечатлениям. Во многом автобиографичен и шестнадцатилетний юнга Санди, герой романа «Золотая цепь». Приморская жизнь была той питательной средой, которая давала возможность писателю творить, выдумывать, сталкивая разные характеры и переменчивые судьбы героев. В Феодосии Грин прожил до 1930 года, почти до своего пятидесятилетия. Тут он довольно много писал. Делал он это в основном зимой, в утреннюю пору. Долгими часами писатель сидел в кресле, курил и думал в одиночестве, и в это время его нельзя было отвлекать и трогать. В подобные часы раздумий и свободной игры воображения предельная интеллектуальная сосредоточенность была Грину нужна гораздо больше, чем во время непосредственного писательского труда. Грин погружался в свои мысли столь глубоко, что казался глухим и слепым, и вывести его из этого «оцепенения» было практически невозможно [29, 30].

Летней порой Грин отдыхал: изготавливал охотничьи луки, бродил вдоль моря, возился с беспризорными собаками, приручал раненых птиц, много читал, играл на бильярде с весёлыми феодосийскими жителями - потомками геноуэцев, греков и армян. Грин очень любил Феодосию – знойный город у зелёного, пропахшего водорослями моря, построенный на белой каменистой земле. Из Коктебеля к нему приходил иногда Максимилиан Волошин и два великих художника слова общались друг с другом, делясь творческими замыслами и обсуждая новости. В Феодосии Грин заболевает какой-то неясной лихорадочной болезнью и, поскольку в юности он перенёс малярию, загорать и купаться врачи ему запрещают. В городе было две книжные лавки, куда семья Гринов любила часто заглядывать. Первой крупной книжной покупкой стал как раз тот самый многотомный энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, украшающий и до сих пор кабинет писателя. Он стал для Грина другом, путеводителем по чужим странам, далёким и близким временам. Писатель любил читать и перечитывать тома словаря, весьма дорожил этим

первым основательным книжным приобретением. Один из героев «Дороги никуда» Урбан Футроз безумно любил чтение (и это очень напоминало самого Грина). «Книга заменяла ему друзей, путешествия, работу, спорт, флирт и азарт. Иногда он посещал клуб или юбилейные обеды своих сверстников, выдвинувшихся на каком-либо поприще, но, затворясь в библиотечке, с книгой на коленях, сигарами и вином на столике у покойного кресла, Футроз жил так, как единственно мог и хотел жить: в судьбах, очерченных мыслями и пером авторов» [9].

Грин покупает много книг иностранных писателей, для того, чтобы постоянно быть в литературной струе своего времени. С той же целью А.С. Грин посещает Коктебель, где у Волошина всегда жило много писателей, поэтов, деятелей искусств. Он знакомится и близко сходится с К.Ф. Богаевским, известным крымским художником, сразу расположившим к себе Грина. Пейзажи ученика великого Куинджи Константина Богаевского прославляют неповторимую природу Восточного Крыма, они имеют светлые и радостные, «поющие» тона и краски, о чём Александр Степанович прямо говорит Богаевскому.

Осенью 1930 года Грин переезжает из Феодосии в Старый Крым – город душистых цветов, упоительной тишины и живописных развалин. Здесь писатель и скончался от мучительной болезни – рака желудка и метастазов в лёгких. Умирал Грин так же тяжело, как и жил. Он попросил поставить его кровать к окну. За окном синели далёкие крымские горы и летнее небо сияло, как отблеск любимого и навсегда обретенного моря. В одной из новелл Грина, называющейся «Возвращение», есть строчки, написанные им практически предвосхищая собственную кончину. Они очень точно передают обстановку умирания самого писателя: «Конец наступил в свете раскрытых окон, перед лицом полевых цветов. Уже задыхаясь, он попросил посадить его у окна. Он смотрел на холмы, вбирая кровотокающим обрывком лёгкого последние глотки воздуха» [11].

Перед смертью Грин сильно тосковал о людях – этого раньше за ним никогда не наблюдалось. Сильные боли вынуждали принимать морфий. Врачебный консилиум 30 июня выносит безжалостный приговор: рак желудка. Неожиданно, пока медики совещались, почтальон приносит увесистую бандероль с авторскими экземплярами «Автобиографической повести», на что Грин грустно замечает: «Да ... это последняя рубашка. С кожей содранная». За два дня до кончины 6 июля 1932 года писатель захотел увидеть священника. По христианскому обычаю, Грин исповедался и причастился. В это скорбное время рядом с ним только самые близкие люди. Он уходит в мир иной под вечер, оставляя после себя любовь и благодарность искренне любящей его супруги за великое счастье, подаренное им.

Последним словом Грина был не то стон, не то шепот: «Помираю...» Ушёл из жизни писатель-романтик тихо, похоронили его на скромном старокрымском кладбище. Проводить великого человека в последний путь пришли только родные и жители Старого Крыма. Никого из литераторов не было. Газета «Известия» опубликовала сообщение о смерти Александра Грина только 17 июля – спустя почти полторы недели после кончины великолепного романтика, прекрасного пейзажиста, замечательного тонкого психолога.

Нина Николаевна Грин продолжала упорно бороться за память мужа. Она будет писать мемуары, будет писать о том, как он умирал, брошенный братьями по перу, как его не печатали, как велась борьба с издательствами, как он и его семья голодали. В 1933 году в издательстве «Красная новь» выйдет в

свет рассказы Грина, которые не были опубликованы при его жизни. Предисловие к сборнику напишет Мариэтта Шагинян и это будут тёплые, искренние слова. Александр Фадеев и Юрий Либединский в начале 1933 года напишут в издательство «Советская литература» следующее: «Обращаемся в издательство с предложением издать избранные произведения покойного Александра Степановича Грина. Несомненно, что А.С. Грин является одним из оригинальнейших писателей в русской литературе. Многие книги его, отличающиеся совершенством формы и столь редким у нас авантюрным сюжетом, любимы молодёжью...». Это предложение поддержали краткими позитивными отзывами (их копии и подлинники имеются в феоdosийском Доме-музее Грина) десять литераторов: Николай Асеев, Эдуард Багрицкий, Всеволод Иванов, Валентин Катаев, Леонид Леонов, Александр Малышкин, Николай Огнев, Юрий Олеша, Михаил Светлов, Лидия Сейфуллина.

Нина Николаевна Грин начинает скупрулёзно и тщательно собирать материалы для воспоминаний о своём супруге, а в 1934 году выходит замуж за врача П. Нания, лечащего Грина. Они строят себе добротный крепкий дом, а домики, в котором умер писатель-романтик, Нина Николаевна превращает в частный музей.

«Воспоминания об Александре Грине» Нины Николаевны будут опубликованы лишь в 2005 году, после её амнистии (после Великой Отечественной войны она попала в лагеря и провела там почти десять лет)...

Только 60-е годы вновь открыли нам Грина, его книги снова стали издавать, они стали появляться в библиотеках. В 1965 и в 1980 гг. выходят в свет собрания сочинений А.С. Грина в 6-ти томах. Грину посвящают великое множество стихов, что стало настоящим феноменом в современной литературе. Столько посвящений есть только у А.С. Пушкина. Напишут по гриновским мотивам множество песен, рок-оперу и балет «Алые паруса» (композитор – Никита Богословский), снимут художественные фильмы по его произведениям. Среди этих кинолент – «Алые паруса», «Бегущая по волнам», «Колония Ланфиер», «Рыцарь мечты», «Блистающий мир». Именем Грина назовут малую планету за № 2786, а также пассажирское судно с портом приписки Ялта. В 1970 году открылся Дом-музей Грина в Феодосии, а через год – его филиал в Старом Крыму. К 100-летию со дня рождения на могиле Грина появилась скульптура Т. Гагариной «Бегущая по волнам» и открылся его музей в Кирове, бывшей Вятке.

Юрий Нагибин как-то очень метко сказал о Грине – «Если любовь к Грину сохранится в зрелые годы, значит, человек уберёт своё сердце от постарения», а Данил Гранин написал о нём так: «Грин – один из немногих, кого следует иметь в походной аптечке против ожирения сердца и усталости. С ним можно ехать в Арктику, и на целину, и идти на свидание. Он поэтичен, он мужествен» Грин умер, оставив нам, его потомкам, решать извечный вопрос, нужны ли такие неистовые мечтатели, каким был этот человек? Живущие в XXI веке убеждены: да, нам необходимы мечтатели. Пора, наконец, избавиться от ироничного отношения к этому слову. Многие, очень многие не умеют мечтать и, может быть, по этой причине они никак не могут стать вровень с временем. Какие уроки могут извлечь медики из короткой, но удивительно яркой и чрезвычайно насыщенной событиями жизни А.С. Грина? Чтобы ответить на этот вопрос обстоятельно и толково, нам пришлось обратиться к книжным сокровищам одной из наиболее фундаментальных библиотек нашей страны – Национальной парламентской библиотеке Украины, располагаю-

щейся в самом центре Киева неподалёку от республиканского стадиона им. Валерия Лобановского и непосредственной близости от Майдана Незалежності и Крещатика. В зале каталогов мы обнаружили 156 карточек с описаниями произведений А.С. Грина, изданных в СССР и в новейшее время в независимой Украине и в Российской Федерации (некоторые произведения, правда, дублировались, т.е. их в хранилище было по 2-3 экземпляра). Картотека книг о самом Грине оказалось более скромной – всего 25 единиц. К последним мы и обратились.

Нам удалось установить, что первым предложил романтический мир писателя-романтика назвать «Гринландия» Корнелий Зелинский – один из известных литературоведов.

В книгах Е.Н. Иваницкой, В.Е. Ковского, Е.И. Прохорова, в очерках и тезисах К.Г. Паустовского, А.Б. Гудович, Л.М. Варламовой, И.К. Дунаевской, в сборниках воспоминаний о писателе, и особенно в книге воспоминаний Нины Николаевны Грин, напечатанной в Феодосии в 2005 году, удалось обнаружить массу интересных подробностей.

Большую помощь нам оказала книга статей, очерков и исследований, составленная А.А. Ненадой [1]. Этот 182 страничный сборник, вышедший в Феодосии в 2010 году, внёс существенный вклад в гриноведение и, по нашему мнению, должен иметься в качестве настольной книги у каждого, кто серьёзно интересуется фактами жизни и творчества выдающегося художника слова, знаменитого писателя-романтика. Николай Гумилёв в своё время сказал, что «для поэта важнее всего сохранить детское сердце и способность видеть мир преобразённым». Грину это удалось в полной мере. Жизнь, как известно, его не баловала, хотя и была полна странствий и приключений. Абсолютно не случайно то, что многие места последнего произведения Александра Грина, его «Автобиографической повести», авторские экземпляры которой были получены писателем за несколько дней до кончины, так ясно и живо напоминают горьковские страницы из «Моих университетов» и повести «В людях». И у Горького и у Грина с большой художественной силой запечатлены данные биографии людей из низов, поднявшихся к вершинам культуры, творчества, к борьбе за свободу. Жизнь Грина, как отмечают все исследователи и биографы, было тяжёлой и драматичной, она вся была в стычках и в столкновениях со «свинцовыми мерзостями» повседневного бытия царской России. Когда читаешь «Автобиографическую повесть», эту искреннюю исповедь исстрадавшейся души, с большим трудом, только под давлением беспристрастных факторов, веришь, что одна и та же рука писала заражающие своим жизнелюбием рассказы о моряках и путешественниках, «Дорогу в никуда», «Блистающий мир» и «Алые паруса»... Жизнь, казалось, сотворила всё, чтобы очерствить, ожесточить сердце, уничтожить романтические мечты и устремления, навсегда убить веру во всё самое хорошее, светлое и прекрасное.

Удалось установить перечень профессий, освоенных Александром Гриневским во время скитаний. Грузчик и матрос «из милости» на случайных пароходиках и парусниках в Одессе, банщик на станции Мураши, землекоп, маляр, рыбак, гасильщик нефтяных пожаров в Баку, матрос на волжской барже пароходства «Булычов и компания», прославленного благодаря горьковскому перу, лесоруб и плотогон на Урале, золотоискатель. Его хождение в люди напоминало легенду, в которой физически немощный человек обретал исполинскую силу в мечте, в неиссякаемой вере в чудесное. Детали этой жизни приобретают особую ценность. Ими мы и насытим дальнейшее повествование.

Весной 1902 года молодой человек очутился в

Пензе, уйдя от бескормицы и жизни впроголодь «в солдаты».

Сохранилось казённое описание наружности Александра Гриневского:

«Рост – 177,4 см.

Глаза – светло-карие.

Волосы – светло-русые.

Особые приметы: на груди татуировка, изображающая шхуну с бушпритом и фокмачтой, несущей два паруса...» [31].

Искатель приключений, книгочек, любитель чудесного, бредящий морем и парусами, попадает в 213-й Оровайский резервный пехотный батальон, где царили жесточайшие нравы. Через четыре месяца «рядовой Гриневский» бежит из батальона, несколько дней прячется в приоткнутом лесу, но его ловят и приговаривают к первому в его жизни (но не последнему) трёхнедельному строгому аресту и держат «на хлебе и воде». Шел в армию пропитаться, а получает опять голодное существование да ещё с муштрой и бесконечными унижениями! Строгитового и вольнолюбивого «солдатика» приметил некий вольноопределяющийся и стал усердно снабжать молодого человека эсеровскими листовками и агитационными брошюрами. Хлебнувшего горькой армейской жизни Александра страстно тянуло на волю, а его романтическое воображение загоралось от мыслей о жизни на «нелегальном» положении, полной опасностей, тайн, риска и всевозможных авантур. Пензенские эсеры помогли Гриневскому бежать из батальона вторично, снабдили фальшивым паспортом и переправили в Киев. Оттуда он перебрался в любимую Одессу и в Севастополь. Пропагандистская деятельность Грина в Севастополе привела его в тюрьму, а впоследствии и в ссылку. Имя Гриневского даже достигло высших сфер столичной власти. Военный министр Куропаткин в январе 1904 года обратил внимание министра внутренних дел Плеве, что в Севастополе задержали «весьма важного деятеля из гражданских лиц, называвшего себя сперва Григорьевым, а затем Гриневским...» Поведение Александра в тюрьме было «вызывающим»: он объявлял голодовку, пытался бежать из неволи, сидел в карцере. После освобождения из севастопольского каземата (подробно описанного в романе «Дорога никуда») Гриневский уезжает в столицу империи, но вскоре опять оказывается пойманным: полиция как раз в ту пору спешно хватала всех «амнистированных» и без суда и следствия отправляла в ссылку. На второй день после прибытия «этапным порядком» на место ссылки молодой ссыльный удачно бежит и вскоре добирается до Вятки. Служивший бухгалтером в земской больнице отец Александра выкрал для него паспорт умершего сына дьячка Мальгинова. Под этой фамилией пришлось жить довольно долго; даже первый опубликованный в печати рассказ был подписан ею. С чужим паспортом бежавший со ссылки едет в Петербург и в газете «Биржевые ведомости» публикует своё первое литературное произведение. Это была такая истинная радость молодого автора, и он едва не расцеловал угрюмого газетчика, у которого был приобретён «драгоценный» номер газеты. От волнения у начинающего литератора дрожали и подгибались ноги, и он страстно уверял недоверчивого старика, продавшего «Биржевые ведомости», что рассказ принадлежит именно ему. С тех пор мысли о писательстве полностью захватили юношу. Он вышел из эсеровской организации, пребывание в которой давно тяготило молодого человека, поскольку десятки литературных замыслов просились на бумагу, а «буря сюжетов» властно требовала своего высвобождения. Первый настоящий рассказ, в котором были обозначены все черты будущего Грина, назывался «Остров Рено».

Александр стал довольно часто печататься в газетах и журналах, появились первые гонорары. Годы лишений, унижений и голода постепенно уходили в прошлое. Но счастье свободного и любимого труда оказалось недолговечным – Грина вновь арестовывают в связи с принадлежностью к партии эсеров, целый год он проводит в тюрьме и подвергается ссылке в Архангельскую губернию. В Пинеге, а затем в Кегострове он много пишет, читает, охотится и даже, по его словам, неплохо отдыхает от прошлой каторжной жизни.

В 1912 году Грин возвращается в Петербург. Ему 32 года, впереди – ещё 20 лет жизни. Начинается первая гриновская «болдинская осень». Частично эта пора описана Л.И. Борисовым в его романтической повести «Волшебник из Гель-Гью» [3] (вторая повесть этого автора «Спящая красавица», посвящённая А. Грину в обстановке революционного Петрограда 1917 года, опубликована не была). В Петербурге – Петрограде А.С. Грин писал непрерывно и перечитывал множество книг, встречался с литераторами, газетчиками, журналистами, дружил с А.И. Куприным, А.М. Горьким. Был в составе делегации писателей и работников искусств, встречавших знаменитого Герберта Уэллса и проводивших в обществе великого английского писателя памятный вечер (на нём были Фёдор Шалапин, Валерий Брюсов, Виктор Шкловский и другие известные «работники культуры»).

Как-то Грин повёз в Вятку отцу свою первую книгу «Шапка-невидимка». Ему хотелось порадовать старика своими успехами. Отец Александру не поверил до тех пор, пока Грин не показал ему массу документов, которые помогли убедить недоверчивого пожилого отца в том, что его сын действительно стал «человеком». Встреча оказалась последней: вскоре старик Гриневский умер.

В 1920 году Грин был призван в ряды Красной Армии, однако он довольно скоро заболел сыпным тифом, долго хворал и вышел из больницы «почти инвалидом». Спас семью писателя А.М. Горький, выхлопотавший ему академический паёк и жильё на Мойке, в «Доме искусств».

В 1924 году семья писателя переехала в Феодосию и там прожила до 1930 года. А.С. Грин много писал в эти годы. Литературоведы подсчитали, что примерно половина литературного наследия писателя создана им именно на крымской земле. К сожалению, тяжба с книжными издательствами отнимала очень много сил у Александра Степановича, издательство «Мысль» приостановило издание Полного собрания сочинений писателя, гонорары перестали поступать. От несносных литературных критиков, как писал гораздо позднее Владимир Высоцкий, «не было житья». После публикации в мае 1930 года романа «Дорога никуда» на Грина обрушился «девятый вал» критики. Произведение было воспринято как вызов новому общественному строю. Герой романа ведёт ожесточённый бой с представителями власти, с таможенниками. Он водит дружбу с контрабандистами, друзья у него всё люди с тёмным прошлым, игроки, пьяницы и авантюристы. Литературная критика становится всё более яростной и ожесточённой. Критики приписывают Грину «воинствующую буржуазность», упрекают в отходе от реальной жизни, обвиняют в подражании Западу. Раздражает критику и то, что имена у героев Грина – все сплошь иностранные. А действие его произведений происходит тоже неизвестно в каком краю, а главное – не в родной стране. «Специальности по литературному процессу» очень не советуют читать рабочим и крестьянам книги этого «ненадёжного» писателя. И Грина по маленьку начинают вытеснять из литературного процесса, а значит, и из жизни.

Усугубляет положение дел ухудшившееся состояние здоровья. Голодные годы, тюрьмы, ссылка,

безденежье, тяжёлый труд, перенесённая в молодые годы тяжелая малярия, очень тяжело протекавший сыпной тиф, едва не превративший писателя в инвалида, изнурительное курение... всё это вместе взятое (не говоря уже об алкоголе, к которому был очень неравнодушен и его отец) привело к тому, что Грину требовалось чрезвычайное напряжение всех духовных и физических сил, воли, характера на самом излёте его короткой жизни. Под натиском нужды Грин принимается за «Автобиографическую повесть». Очень нужны деньги. Примеры биографий есть. Их уже написали А.Н. Толстой, И.А. Бунин, М.М. Пришвин, Б.Л. Пастернак, А.И. Куприн. Но главный ориентир среди них – Максим Горький. Биография у Грина богатейшая, материала набирается на целый авантюрный роман. Он начинает писать о голоде, холоде, безденежье, болезнях, через которые многократно в своей жизни проходил. Так было в юные годы, продолжалось в скитаниях по стране, так было в сыром и холодном Петрограде в гражданскую войну, и вот снова он стоит на пороге тяжких испытаний. Получается так, что от чего ушел когда-то в неполные шестнадцать лет, к тому и приходит снова в свои полвека.

Почему всё так произошло? Почему нет счастья, а близится неумолимый крах? И тут, как назло, перед Грином остро встаёт квартирный вопрос: дом, в котором он жил с Ниной Николаевной, муниципализирован, цены на жильё возрастают. Приходится переезжать в Старый Крым, который становится последним причалом великого писателя-романтика.

Известный поэт новейшего времени Борис Чичибабин очень образно сказал о творчестве А. Грина: «Но если станет вдруг вам ваша жизнь полынна, и век пахнет чужим, и кров ваш обречён, Послушайте меня, перечитайте Грина, Вам нечего терять, не будьте дурачком» [35, 36]. Доктор филологических наук, профессор Казютинский В.В., работающий в Институте философии РАН, друживший и переписывавшийся с вдовой писателя Ниной Николаевной, подчёркивал: «Нельзя, прочитав Грина, выпить пива и пойти на футбол или хоккей. Грин – для тех, кто ревниво оберегает свой внутренний мир от развязанности и пошлости, нас окружающих». Авторы статьи целиком разделяют это мнение замечательного гриноведа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александр Грин: жизнь, личность, творчество: Статьи, очерки, исследования / Сост. А.А. Ненада. – Феодосия: изд-во «Арт Лайф», 2010. – 182 с.
2. Арнольди Э.Г. Беллетрист Грин / Э.Г. Арнольди. – Воспоминания о Грине. – Л.: Лениздат, 1972. – 298 с.
3. Борисов Л.И. Волшебник из Гель-Гью / Л.И. Борисов. – Л.: Лениздат, – 1960. – 804 с.
4. Варламова Л.М. Музей Грина. Феодосия / Л.М. Варламова. – Симферополь, 2005. – 164 с.
5. Войтоловский Л.А. Летучие наброски: Александр Грин / Л.А. Войтоловский // Киевская мысль. – 1914. – 3 мая.
6. Воспоминания об Александре Грине. – Л., 1972. – 362 с.
7. Грин А.С. Автобиографическая повесть / А.С. Грин. – Л., 1932. – 214 с.
8. Грин А.С. Алые паруса. Блистающий мир / А.С. Грин. – Л.: Лениздат, 1975. – 261с.
9. Грин А.С. Избранное / А.С. Грин. – М.: Худ. литература, 1956. – 279 с.
10. Грин А.С. Собрание сочинений / А.С. Грин. – М.: изд-во «Правда», 1965. – Т.6. – 231 с.
11. Грин А.С. Собрание сочинений в 6 томах / А.С. Грин. – М.: изд-во «Правда», 1980. – Т.1. – 496 с.
12. Грин Н.Н. Воспоминания об Александре Грине / Н.Н. Грин. – Феодосия, 2005. – 154 с.
13. Гринфельд А.И. Рецензия на книгу: Грин А. Искатель приключений. Рассказы / А.И. Гринфельд. – М.: Русское богатство. – 1917. - № 6. – С. 279-282.
14. Гудович А.Б. Александр Степанович Грин, 1880-1980 к (100-летию со дня рожд.) / А.Б. Гудович: методич. рекоменд. – М., 1980. – 23 с.
15. Дунаевская И.К. Этико-эстетическая концепция человека и природы / И.К. Дунаевская. – Рига, 1988. – 268 с.
16. Зелинский К.Б. Вступительная статья. Грин А.С. Фантастические новеллы / Зелинский К.Б. – М., 1934. – 302 с.
17. Иваницкая Е.Н. Мир и человек в творчестве А.С. Грина / Е.Н. Иваницкая. – Ростов н/Д: изд-во Рост. ун-та, 1993. – 64 с.
18. Каверин В.А. Грин и его «Крысолов» / В.А. Каверин // Собрание сочинений в 8-ми томах. – М.: изд-во «Правда», 1982. – Т. 6. – С. 504-518.
19. Ковский В.Е. Александр Грин. Преображение действительности / В.Е. Ковский. – Фрунзе: Илим, 1966. – 126 с.
20. Ковский В.Е. Романтический мир Александра Грина / В.Е. Ковский // М.: Наука, 1969. – 296 с.
21. Краткая литературная энциклопедия [в 9 т.] / Гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Сов. Энциклопедия, 1964. – Т. 2. – Стб. 386-387.
22. Кто есть кто в мире / гл. ред. Г.П. Шалаева. – М.: Слово; Эксмо, 2006. – С. 392-394.
23. Лелевич Г.В. Рецензия на книгу «На облачном берегу» / Г.В. Лелевич. – Л.: Печать и революция, 1925. – № 7. – С. 271.
24. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 752 с.
25. Михайлова Л. Александр Грин. Жизнь, личность, творчество / Л. Михайлова. – М., «Худож. л-ра», 1972. – 192 с.
26. Паустовский К.Г. Собрание сочинений [в 6-ти томах] – Т. 5. Рассказы, сказки, литературные портреты, заметки / К. Паустовский. – М.: Худ. литература, 1958. – 664 с.
27. Паустовский К.Г. Жизнь Александра Грина / В кн.: Близкие и далёкие. – М.: Молодая гвардия, 1967. – С. 286-301.
28. Придорогин А.Е. Грин А.С. и его фантастические новеллы / А.Е. Придорогин // Книгоноша. – 1925. – № 21. – С. 18.
29. Прохоров Е.И. Александр Грин / Е.И. Прохоров. – М.: Просвещение, 1970. – 119 с.
30. Романюта Е.В. А. Грин. Несбывшееся / Е.В. Романюта. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2010. – 152 с.
31. Россельс Вл. К 100-летию столетию со дня рождения А.С. Грина // В кн.: Мир приключений, 1980. – [в 6 т.]. – Т. 5. – С. 314-315.
32. Русские писатели / Под. ред. П.А. Николаева. – М.: Просвещение, 1990. – 432 с.
33. Саидова М.О. Поэтика А. Грина (на материале романтических новелл) / М.О. Саидова. – Душанбе, 1976. – 128 с.
34. Советский русский рассказ 20-х годов / Под ред. Е.Б. Скороспеловой. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 460 с.
35. Чичибабин Б.А. Гармония. Книга лирики / Б.А. Чичибабин. – Харьков: Прапор, 1965. – 96 с.
36. Чичибабин Б.А. В стихах и прозе / Б.А. Чичибабин. – Харьков: Фолио, 1998. – 469 с.

Пересадин Н.А., Фролов В.М. Александр Грин. Гуманистические основы творческого наследия, история жизни, болезни и смерти выдающегося писателя-романтика // Украинский медицинский альманах. – 2011. – Том 14, № 6. – С. 144-156.

В статье охарактеризовано жизнедеятельность, литературное творчество, история болезни и смерти А.С. Грина.

Ключевые слова: А.С. Грин, жизнь, литература, творческая деятельность, болезнь.

Пересадин М.О., Фролов В.М. Олександр Грін. Гуманістичні основи творчої спадщини, історія життя, хвороби та смерті видатного письменника // Український медичний альманах. – 2011. – Том 14, № 6. – С. 144-156.

У статті охарактеризовано життєдіяльність, літературне мистецтво, історія хвороби та смерті О.С. Грина.

Ключові слова: О.С. Грин, життя, література, творча діяльність, хвороба.

Peresadin N.A., Frolov V.M. Alexander Green. Humanistic bases of a creative heritage, history of a life, illness and mors of the outstanding writer-romanticist // Ukrainian medical journal. – 2011. – Том 14, № 6. – С. 144-156.

In article it is characterised vital activity, literary creativity, a case history and A.S.Green's mors.

Key words: A.S.Green, life, the literature, creative activity, disease.

Надійшла 28.09.2011 р.
Рецензент: проф. В.І.Лузін